
ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ: ОТ ПИСЬМА К ТЕКСТУ

К.В. Заболотная

Кафедра истории России
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Постмодернизм разработал интересную, хотя и несколько аморфную понятийную сеть, на которой держится постмодернистская рефлексия и критический анализ предыдущих типов философствования. В статье представлен один из вариантов эволюции категорий в том ответвлении постмодернистской философии, которое связано с лингвистикой, семиотикой и литературоведением. Категории письма, литературы и текста связаны автором в цепь философских понятий, скачкообразно развивающихся в рамках постмодернизма.

Ключевые слова: постмодернизм, текст, письмо, литература, семиотика, автор.

Как известно, в XX в. философия осуществила поворот к языку. Это повлекло за собой интерес к множеству языковых явлений, например, литературе, письму, тексту, знаку, смыслу. Интересно в данной связи рассмотреть цепочку превращений: письмо → литература → текст. Постмодернистская философия, ориентированная на критику традиционных и классических подходов, выступает с намерением разоблачить фоноцентризм предыдущих эпох. Эту тенденцию можно заметить еще в ранних работах Р. Барта (1). Разработав свою концепцию письма, он фактически кладет начало новой эстетической картине мира. Причем эстетика письма плавно обрастает онтологическими чертами, так как письмо задает геометрию мира, его матричные основания и цели.

Мировоззренческий поворот философии к письму означает, во-первых, выдвигание визуальных образов и картин на первое место в ряду искусств, во-вторых, принципиальную установку на предельную артикулированность всех культурных текстов, в-третьих, письмо предполагает наличие кодовых настроек в самом организме культуры, в-четвертых, письмо — это первая предпосылка текста как нового измерения культуры. Именно поэтому Барт пишет, что «современная цивилизация гораздо в большей степени, чем когда-либо прежде ...является письменной цивилизацией» [1. С. 276].

Проблема письма имеет логичное продолжение в проблематике литературы. От литературы в чистом виде можно оставить одну модель, структурный хребет — письмо и его разновидности. Письмо как основной процесс литературного действия является жизнью и смертью литературы. Литература, которую можно рассматривать как деятельность или как искусство, важна здесь как царство текста. В этом смысле литературоведение — первейший толчок к всеобщему семиологическому сдвигу в сторону текстуализации всех философских предметностей, осуществленной в постмодернизме. С литературой связана процедура глобальной семиотиза-

ции, результатом которой и явился текст как полноценный агент современной культуры. Эволюция письма в текст как одну из самых влиятельных категорий постмодернизма осуществлялась через литературу. Именно она — прародительница современных текстов. Литература — это идея текста или искусство текста.

Таким образом, связывая письмо как процесс и текст как результат, литература, а вернее, ее философское осмысление, способствовало образованию цепочки понятийных или категориальных превращений: письмо → литература → текст. Текст выступил тем концептом, который соединил письмо, литературу, знаковые структуры в одно текстовое тело и стал преображенным словом для многих наук: семиологии, культурологии, философии, лингвистики, литературоведения и т.д.

Чем же характеризуется постмодернистское понимание текста? Текст — это полимерное знаковое образование, некое вместилище смыслов и, если смотреть шире, место разворачивания культуры. Возможно, то, что привлекло философию в этой категории, — это именно вместибельность термина. Текст есть пустая форма с определенными принципами организации, но в то же время он сам генерирует смыслы.

Это грандиозное открытие культуры XX в. незаметно проникло в основания нашей цивилизации, потому что история — это текст, искусство — это различные по материалу и составу тексты, информация — это по преимуществу текст, религия — это «священный» текст и т.д. и т.п. Осознание того, что текст перестал быть просто способом передачи смысла или информации, способом описания и познания мира и из гносеологического инструмента превратился в полноценную онтологически значимую категорию, началось еще с онтологического понимания языка у Хайдеггера (2).

Большую долю информации и новостей мы получаем в виде текста, устного или письменного, подтвержденного соответствующими — аудиальными и визуальными — образами. Такой текст подразумевает пользование одинаковым языковым кодом, у него есть источник и адресат. Но в текст можно включить все разновидности культурных «активов», в том числе и литературу, что позволяет считать текст ключевым понятием всех гуманитарных наук.

Текст строится по принципу сети: это связанная целостность, запускающая механизм смыслопорождения и означивания. Когда жизнь становится историей, история превращается в текст, то есть означивается. Подобным образом означивается все: события, личности, изобретения, искусство, течение времени. Причем все становится не документом, но текстом: текст — это не воспроизводство и не копия жизни, а универсум знаков и свободно рождающихся в микроразрывах смыслов.

Текст — это открытая система, не терпящая диктата. В связи с этим у Р. Барта возникла концепция «смерти автора». Корни этой метафоры уходят в произведение испанского философа Х. Ортега-и-Гассета «Дегуманизация искусства» (1925).

Верно подметивший тенденцию «дегуманизации», исчезновения, вымывания человека из искусства, философ писал, что «поэзия начинается там, где кончается человек» [7. С. 246].

Господствовавшая на протяжении долгого времени романтическая установка на самовыражение гения приучила к мысли о том, что произведение искусства — это всегда отпечаток, слепок авторской субъективности, содержащий, разумеется, и долю вымысла. Поиск прототипов, биографических фактов и т.д. стал неотъемлемой частью литературоведения и критики.

Но в XX в. роль автора была переосмыслена. Чтобы стать поэтом, надо перестать быть человеком. Чем больше писатель отстраняет от себя человеческое, тем больше он приближает независимое, смыслопорождающее, самонадеянное и трансперсональное письмо. Это не автоматическое письмо, практиковавшееся в сюрреализме, но письмо, дистанцирующееся от автора, стирающее воспоминания о субъекте.

Прозвонившая Ф. Ницше «смерть Бога» повлекла за собой целую цепочку «смертей» — трансцендентных по отношению к реальности означаемых, всех предзаданностей и единственностей. По мнению Барта, письмо по-настоящему начинается тогда, когда «для автора наступает смерть», потому что письмо есть «изначально обезличенная деятельность» [2].

Цель «смертельной» критики автора заключается в том, чтобы устранить его притязания на владение единственно верным смыслом текста, его «идеей». «Творимость» текста и письма не означает еще того, что он может быть наделен каким-либо трансцендентным, внешним по отношению к нему самому смыслом. А фигура автора в классическом его понимании как раз и была богом по отношению к тексту.

Произведение как отпечаток авторской субъективности, его судьбы, жизни, воспоминаний, переживаний, эпохи — это традиционный способ литературного анализа. В тексте искали не самостоятельно возникшие смыслы, а руку пишущего. Но в новом понимании, фиксирующемся в метафоре «смерть автора», текст, сложенный «из множества разных видов письма, происходящих из различных культур», автоматически запускает процесс «систематического высвобождения смысла» [2].

Другими словами, автор нужен тексту как инструмент для его написания, он превращается в Скриптора («пишущего»). Автор как будто самоустраняется во имя текста.

Это ритуальное (само)убийство автора открывает новое измерение, синхронизированное с письмом, — измерение чтения. Подобно воде, принимающей форму сосуда, текст принимает форму читателя. Чтение из расшифровки заложенных автором кодов превращается в живую интерпретацию и, в конце концов, в новый вид письма. Чтение — это письмо о письме, текст о тексте. «Десакрализованный», растворенный в письме автор позволил читателю остаться с текстом наедине. Именно в этот момент рождается полноценный мир текста, свободный от властных вертикалей и иерархий.

Но почему же в таком случае литература и философия не вернулись к анонимному письму, которое имело место в древние времена, когда авторство дей-

ствительно не имело большой ценности? Отчасти этот вопрос проясняет М. Фуко в работе «Что такое автор?».

Рассматривая письмо как «игру знаков», Фуко приходит к выводу, что автор — это «функция», некоторая переменная, а не абсолютная величина, которая характерна «для способа существования... определенных дискурсов» [9]. «Функция-автор» позволяет классифицировать тексты, а также объединять под одним ярлыком или брендом продуцируемую ей же самой множественность Эго, развернутых в письме. В какой-то степени эта функция получила окраску юридического характера, проявившись как институт авторства и интеллектуальной собственности, который в современных условиях невозможно игнорировать. Но получается, что единственная возможность для автора при постмодернистском письме, — это отсутствие и/или лишь потенциальное его присутствие. В известном смысле автор — это лишь повод для бытия текста.

Тем не менее, можно сказать, что у Фуко автор, лишенный своего метафизического веса, обрел новую жизнь в качестве функции, потому что полностью устранить автора, спрятать его в зону анонимности — значит дезориентировать читателя. Автор — всего лишь функция, что по сравнению с его прежним положением является большим понижением в статусе, но все-таки он функция сложная. Это не только ярлык, но и конструирующий контексты функциональный элемент текста.

И Барта, и Фуко, и Деррида не устраивает в традиционном институте авторства метафизическое положение автора как источника содержания, абсолютного по отношению к письму бытия, творца и промыслителя, личности, возвышающейся над своим продуктом. Этот статус автора оспаривается постмодернистскими мыслителями в пользу обретения «текста без голоса», который бы включал в себя систему различий. Таким образом, в постмодернистском письме от автора остается только его след. Автор редуцируется в остаток, отстраненный, отделенный от тела отпечаток самого себя.

Но вряд ли можно действительно утверждать, что «автор умер». Автор виртуализируется, смещается в параллельную необязательную реальность. Он не устраняется из текста, но его присутствие не является эпицентром произведения. Если с этой точки зрения посмотреть на концепцию «смерти автора», то можно назвать ее методом чтения, при котором автор *как бы* «умер». «Смерть автора» — это игра, составляющая правила чтения.

Задаваясь вопросом о том, что такое автор, нельзя забывать о главном — что такое письмо или что такое текст, рассмотренный в триаде «письмо — литература — текст»?

Необходимо отметить еще один важный момент, который характерен для постмодернистского понимания текста. Связан он с так называемой эротикой текста, текстуальной телесностью. Тенденция к семиотизации тела проявилась еще в ранних работах Барта, например, в его концепции писательского стиля в «Нулевой степени письма». Но полностью она развернулась в «Удовольствии от текста» (1973), где Барт сближает понятия текста и тела, так как текст наделяется телес-

ностью, а тело читается как текст. В этой работе Барт довольно провокационно замечает, что «текст обладает человеческим обликом», являясь «анаграммой человеческого тела» [3].

Эти выводы связаны с тем обстоятельством, что человек — существо общественное. Кажется, общаться и объединяться людей когда-то заставила не просто нужда, природа и т.д., но и особое удовольствие, которое коммуникация доставляет человеку. Человек испытывает потребность в том, чтобы говорить и получать ответ, потребность в общем языке. Эта потребность связана не просто с тем, чтобы получать сигналы об опасности, что можно наблюдать у животных, но и с тем, чтобы высказаться. Высказывание, понимаемое Другим, вызывает у человека удовлетворение, как и само говорение.

Таким образом, человек перекладывает на язык ответственность за свое сознание, не отчуждая, а, наоборот, приближая к себе язык вплотную, потому что человеку в большинстве случаев нравится говорить, демонстрируя свое мышление и сознание, свою «внутреннюю» жизнь. Недаром про общительных и искренних людей говорят, что это «открытый» человек. Человек может «открыть» себя только через язык. Говорение — это своего рода ритуал обнажения перед Другим, создающий иллюзию раздевания, сближения и вызывающий удовольствие в случае достижения взаимопонимания.

Коммуникация с текстом — это увлекательная игра, в которой нет проигравших при условии взаимного «желания» читателя и текста. Письмо составляет и подготовку, ожидание и саму коммуникацию, превращаясь, таким образом, в «науку о языковых наслаждениях, камасутру языка» [3]. Возникает Эрос текста, который есть желание трансгрессии, то есть чтение между строк, видение того, что не в тексте, а за ним, позади него, складывание культуры в знак, слово, фразу, текст.

Постмодернистское отношение к тексту можно назвать пантекстуализмом. Большая роль здесь принадлежит Ж. Деррида, который говорил: «Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность. Нет ничего вне текста» [6. С. 74]. Действительно, со временем цивилизация, которая имеет знаковую природу, стала восприниматься как текст. Фактически, все, что подвластно языку и письму, превращается в текст. Проблема такого подхода в том, что он действительно угрожает превратить текст в тотальность.

Пантекстуализм может не оставить места для чего-то другого. Если текст станет сплошным, не восстанет ли он против различия? Дело в том, что не может быть ничего, что не может стать текстом. Это дает письму шансы на мировое господство. В таком «общем тексте», как назвал его Деррида, будет тонуть любая предметность, стираться всякая инаковость, потому что все будет означено и написано. Текст — это всегда интертекст, проницаемый для других культурных текстов. Таким способом создается подобие общего семантического покрывала, связанного своими внутренними импульсами и нитями со всей громадной массой мирового дискурса.

В глобальном смысле текст — это Кронос, пожирающий своих детей. Он не оставляет места самостоятельности отдельных текстов, уничтожая различия в общем мировом контексте. Хотя каждый может захватить лишь фрагменты «общего текста», эти фрагменты еще не прерывают сплошное текстуальное покрытие мира. Встает проблема существования неартикулированной реальности: существует что-либо, кроме знака? Если довести постмодернизм до его логического завершения, то получится нечто вроде новой метафизики знака или онтологии текста.

В постмодернизме письмо и текст становятся вехами (пост)современной культуры. Появление этих категорий задает новую систему координат, новую область знания и исследовательских интересов, новую методологическую установку, направленную на чтение. Понятие письма концентрирует в себе всю совокупность новых (измененных) взглядов на знак. Охватывая всю сложность знакового феномена, письмо делается одной из самых репрезентативных иллюстраций к ситуации постмодерна. В письме обнаруживается цивилизационный ключ, делавший возможным построение культуры как информационного образования со своим особым алфавитом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., например: *Барт Р.* Нулевая степень письма (М., 2008). Важно отметить, что в контексте данной темы семиотика рассматривается как пример постмодернистского метода восприятия культуры, учитывающего ее знаковую природу. Письмо, литература и текст поэтому можно объединить в семиотический концептуальный комплекс. Что касается фоноцентризма, то, действительно, в классической трактовке можно заметить примат устного над письменным. Думается, что развитие этой трактовки происходило по сценарию Гегеля «тезис — антитезис — синтез»: устное — письменное — текст.
- (2) Онтологическое языкознание Хайдеггера, сдобренное семиотическим методом, сильно повлияло на постмодернистское отношение к феноменам знака, языка, письма и текста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Барт Р.* Основы семиологии // Нулевая степень письма. — М., 2008.
- [2] *Барт Р.* Смерть автора. URL: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm>
- [3] *Барт Р.* Удовольствие от текста. URL: http://ec-dejavu.net/p/Plaisir_du_texte.html
- [4] *Бронзино Л.Ю.* Ролан Барт: основы «семиологии» // Обсерватория культуры. — 2009. — № 4. — С. 18—23.
- [5] *Гречко П.К.* Постмодернизм // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.М. Резника. — М.: Академический Проект. Культура; Киров: Константа, 2012. — С. 311—324.
- [6] Интервью с Ж. Деррида // Мировое древо. — 1992. — № 1. — С. 73—80.
- [7] *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Восстание масс. — М., 2003.
- [8] *Рудановская С.В.* Субъекты социальной критики: между реальностью и желанием. — М.: Изд-во РУДН, 2005.
- [9] *Фуко М.* Что такое автор? URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko/_Avtor.php

POSTMODERNIST TRANSFORMATIONS: WRITING AND TEXT

Ch.V. Zabolotnaya

Department of Russian History
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Postmodernism has created a very interesting, though a little amorphous concept network, which determines all postmodernism reflection and critical analysis of the previous types of philosophical discourse. The author represents one of the versions of categorical evolution in that part of postmodernism philosophy, which is closely connected with linguistics, semiotics, and literary studies. The category of writing, literature and text are interconnected into the chain of philosophical concepts developing in the framework of postmodernism.

Key words: postmodernism, text, writing, literature, semiotics, author.

REFERENCES

- [1] Barthes R. *Osnovy semiologii*. In *Nulevaia stepen' pis'ma* (Elements of Semiology. In Writing Degree Zero). Moscow, 2008.
- [2] Barthes R. *Smert' avtora* (The Death of the Author). Available at: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm>
- [3] Barthes R. *Udovol'stvie ot teksta* (The Pleasure of the Text). Available at: http://ec-dejavu.net/p/Plaisir_du_texte.html
- [4] Bronzino L. Iu. Rolan Bart: osnovy «semiologiki» (Roland Barthes: Elements of “Semiologic”). *Observatoriia kul'tury*, 2009, no 4, pp. 18—23.
- [5] Grechko P.K. Postmodernizm. In *Sotsiokul'turnaia antropologiia: Istoriia, teoriia i metodologiia: Entsiklopedicheskii slovar'* (Postmodernism. In Social and Cultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary, ed. Iu. M. Reznik). Moscow: Akademicheskii Proekt. Kul'tura; Kirov: Konstanta, 2012, pp. 311—324.
- [6] Interv'iu s Zh. Derrida (Interview with J. Derrida). *Mirovoe drevo*, 1992, no 1, pp. 73—80.
- [7] Ortega y Gasset J. Degumanizatsiia iskusstva. In *Vosstanie mass* (The Dehumanization of Art. In The Revolt of the Masses). Moscow, 2003.
- [8] Rudanovskaya S.V. *Sub"ekty sotsial'noi kritiki: mezhdu real'nost'iu i zhelaniem* (Subjects of Social Criticism: Between Reality and Desire). Moscow, 2005.
- [9] Foucault M. *Chto takoe avtor?* (What is an Author?). Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko/_Avtor.php